

ДИНА
РУБИНА



КОГДА
ЖЕ ПОЙДЕТ
СНЕГ?



МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р82

Художественное оформление
Ольги Фатиховой

Рубина, Дина Ильинична.
Р82 Когда же пойдет снег? / Дина Рубина. — Москва :
Эксмо, 2027. — 288 с.

ISBN 978-5-04-253772-1

«Когда же пойдет снег?» — сборник ранних рассказов Дины Рубиной. Это камерные и безжалостно честные истории о детстве, любви и одиночестве.

Шестнадцатилетняя Нина назначит незнакомцу свидание в пустыне Гоби и незаметно для себя выпустит в свою жизнь ожидание чуда. Простится с девушкой безнадежный фантазер Алтухов, так и не поняв, что она наконец решила его полюбить. А одинокая Евка после субботней репетиции оркестра встретит неожиданного гостя, разглядевшего за ее показным равнодушием тоску по теплу. Эти и другие рассказы из сборника напомнят вам: чудо, как и первый снег, всегда происходит неожиданно.

«А у нас в городке» — лучшие истории со всей страны: близкие, светлые и сердечные. Эта книга возвращает читателя в прошлое, в южный советский городок, в который так хочется вернуться, хотя бы на денек...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-253772-1

© Д. Рубина, 2014
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2027



По субботам

Под утро к ней приходили два сна. Один длинный, обыденный и скучный, у него много лиц, и все они кого-то напоминают. Этот сон наполнен раздраженными голосами и бесцельными действиями. Он ничем не отличается от будней, поэтому тяжел, скучен и сер...

Она просыпается и смотрит в окно. В доме напротив горят три квадрата — значит, уже часов шесть. Она долго лежит с открытыми глазами и думает. Потом небо светлеет, и плечам становится прохладно. И вот тогда возникает сон Второй.

Сначала он прыгает на форточку и долго сидит там, потом мягко и бесшумно спускается на подоконник. Она знает, что Сон здесь, но на него нельзя смотреть — улетит. Наконец он усаживается где-то

у ее плеча и начинает легонько дуть ей на мочку уха. Это ужасно приятно... Все предметы вокруг становятся зыбкими и погружаются в мягкий сиреневый свет, который постепенно вкрадывается в ночную комнату. Теплая и прозрачная дремота наплывает на нее, обнимает, качает на своих коленях, и она боится пошевелить головой, чтобы не отдавить лапку Второму сну...

Он здесь. Он легкими прикосновениями гладит ее лоб, щеки, плечи, рассыпает на темном небе закрытых глаз разноцветные калейдоскопические звезды и легко смешивает реальное с нереальным, как мягкие пластилиновые шарики.

...А совсем утром ей приснилось, что ее зовут обыкновенным хорошим именем Таня, таким уютным, домашним...

— Ева! — бабка стучала в стенку из кухни. Значит, завтрак готов, пора вставать. — Евка!

— Ну что ты стучишь, как гестапо! — сонно пробормотала она, заведомо зная, что бабка не услышит и будет колотить в стенку до тех пор, пока Евка не появится на кухне.

Она с закрытыми глазами нашарила шлепанцы и поплелась в ванную.

«Эта физиономия, — подумала она, разглядывая себя в зеркале над умывальником, — всегда напоминает мне о чем-то грустном».

Евка привыкла думать о себе как о чужом и не совсем приятном ей человеке. Почистив зубы, она внимательно посмотрела на свое отражение и сказала ему полупшепотом, чтобы бабка не слышала: «Папа говорит, что ничего — все девушки к шестнадцати годам расцветают. Что ж, будем надеяться... Но ты, дитя мое, что-то подозрительно долго не расцветаешь! Прости, конечно, но сдаётся мне, что ты просто-напросто кикимора!» — закончила она и водрузила расческу на место, потому что бабка любила порядок. Скуластая и раскосая Евка в зеркале ничего не ответила, но, наверное, затаила обиду.

— Евка! — опять крикнула бабка из кухни. — Все простыло!

«Ну и имечко!» — подумала Евка в миллионный раз. Она так часто думала именно этими словами, что у нее уже выработалась мысленная интонация. «Ну и...» — думала она на вдохе и делала крошечную паузу, «...и — имечко!» — кончала она на выдохе и мысленно ставила три восклицательных знака.

— Ев-ка! Что ты сегодня, сдохла?!

— Пора, пора, рога трубят! — вполголоса пробормотала Евка. Она вообще была негромким человеком.

На кухне бабка сплетничала с соседкой.

— С женой он не разводился, — доверительно сообщала бабка, — но у него была еще женщина, любовница... — Увидев Евку, она смутилась и поправилась: — Он... он с ней... э-э... дружил...

— Да, — иронично и негромко сказала Евка, садясь за стол. — Дружил. С женой он дружил ночью, с любовницей — днем.

— Попридержи язык! — закричала бабка.

— А ты не сплетничай о моем отце, — спокойно ответила Евка. — Что там у тебя, котлеты? Я не хочу...

— Ничего, ты начни, аппетит разыграется.

— Разыграется, — буркнула Евка. — Ногами гамму до мажор в терцию.

Вообще она не любила долгие препиательства с бабкой, в которых та все равно выходила победителем. Она считала, что пожилым людям многое стоит прощать — так с ними легче жить.

Допивая свой чай быстрыми и мелкими глотками — она опаздывала на репетицию, — Евка доброжелательно сказала бабке:

— Заметь, каждое утро даю себе слово не огрызаться. Не из благих побуждений, мне просто лень... Но обещаю, шеф: если ты еще раз утром начнешь ломиться в стенку — я останусь заикой и, как инвалид, буду жить на твоём иждивении. А это тебе не улыбается, насколько я понимаю...

Ее сапоги в коридоре стояли рядышком, сиротливо, как два новобранца с обнаженными головами, и Евка поскорей стала их натягивать. «Ты опять опоздаешь», — напонила она себе. Потом она долго стояла на остановке троллейбуса. Здесь ходили только восьмой и одиннадцатый. Евка ждала одиннадцатый, и, как всегда в таких случаях, восьмые ходили один за другим, а одиннадцатых вовсе не было, и поэтому казалось, что восьмых на линии сто штук, а одиннадцатых всего два и водители обоих пьяны.

С утра шел снег... Медленные снежинки оседали на меховой шапочке с козырьком и на воротнике куртки.

Евка опаздывала на репетицию. Она играла в джазово-симфоническом оркестре при народной филармонии. В оркестре играли ребята из консерватории, из училища, и Евка — выпускница специальной музыкальной школы — была там

самой маленькой. Она играла на фоно, а иногда, когда не приходил Рюрик, на клавишесете...

Когда она пришла, ребята уже налаживали аппаратуру. Евка положила ноты на рояль и наблюдала, как Дима устанавливал микрофон. Он очень сосредоточенно крутил что-то, время от времени откидывая назад спадающие на глаза черные волосы. У Димы были смуглая кожа, очень темные брови, ресницы и глаза, поэтому белки казались особенно яркими и светлыми.

«Слушай, а он тебе нравится, — сказала себе Евка и, немного подумав, небрежно ответила: — Да, чуть-чуть...»

— Раз... раз... — буркнул в микрофон Дима, и в динамике гулко отозвалось:

— Раз, раз...

Евка подумала, что скучно, когда все, проверяя микрофон, говорят почему-то «Раз, раз...». Будто нет других слов... Она подошла и сказала в микрофон:

— Крокодил.

— Крокодил, — отозвалось в динамике. Дима увидел ее и улыбнулся.

— А, праматерь! Привет, как жизнь?

С ним всегда можно было перекинуться парой интересных слов. С ним и с пер-

вой скрипкой — Акундиным. Акундин был совсем взрослым, он занимался на четвертом курсе консерватории и часто на репетиции приводил девушек. Каждый раз новую.

Бородатый Акундин вообще был занятным человеком. Он в совершенстве владел тем языком, на котором говорило его поколение. В первую репетицию он заметил Евке: «А ты здорово себя преподносишь, дитя...» И она сразу подумала, как много люди говорят бессмысленных и неточных слов. Она представила себя почему-то жареной курицей с торчащей вверх ножкой и как она себя преподносит...

Ерунда какая-то!..

— Рюрик просил передать тебе эти ноты, — сказал Дима. — Он опять заболел...

Евка взяла ноты и в который раз удивилась, какой этот Рюрик милый и предупредительный человек. На прошлой репетиции она вскользь заметила, что здорово было бы поиграть рапсодию Гершвина, да ноты трудно достать. И вот он бегал по городу, доставал, может быть, простудился из-за этого. Чудак такой... Евка вспомнила его ласковый, чуть косящий взгляд и улыбнулась. Он один из всего оркестра назы-

вал ее не «праматерью» и «прародительницей», а как-то забавно и щекотно, так что Евка морщила нос, когда он к ней обращался. Он называл ее «Еванька». Ужасно смешно! Евка опять вспомнила его ласковую, просящую улыбку и подумала: «Какой милый мальчик этот Рюрик. Нежный ко всем, без исключения... Князь Мышкин... Это, наверное, то, что называется светлой личностью. Я бы хотела, чтобы у меня была собака с таким характером... Нет, нет, это ничуть не оскорбительно! — заверила она саму себя. — Настоящего друга-собаку с таким характером...»

— Рюрика надо навестить, — сказала она Диме, который, сидя на корточках, настраивал что-то еще... — Завтра воскресенье, ждите меня с Акундиным у киоска в двенадцать.

— Вопросов нет, — ответил Дима.

Потом пришел Акундин, весь белый от снега, с белой бородой и бровями, пришел руководитель оркестра Александр Никифорович, и все начали настраивать инструменты.

Евка сидела у рояля и брэнчала двумя пальцами. Подошел бородатый Акундин со скрипкой.

— Дайте-ка «ля», босс... — пропел он.

— Два доллара в кассу, — лениво парировала Евка и ткнула указательным пальцем в клавишу. Клавиша была белая, как зубы Акундина.

Может быть, из-за погоды, а может, из-за чего-то другого, репетиция шла вяло. Евка время от времени смотрела в окно на падающих с неба бесшумных паучков, и ей было скучно и тяжело — в общем-то ее всегдашнее состояние.

Перед ней сидел Дима, и она видела совсем близко его затылок и спину. Ей нравилось смотреть на его черные блестящие волосы, нравилось смотреть, как он отсчитывает ритм ногой, нравилось, как иногда он оглядывался, встречался с ней глазами и přátельски подмигивал.

В перерыве музыканты встали покурить, Акундин с Димой пошли в буфет, а Евке нечего было делать. Слева стояла ударная установка. Евка знала секрет — если подойти вон к той большой тарелке и щелкнуть по ней пальцами, она издаст такой звук: «Чахххх!» И тогда можно медленно и торжественно произнести: «Прошло двадцать лет...» И это смешно...

Подошли Акундин с Димой. Акундин жевал кусок колбасы с хлебом.

— Ты... неплохо сегодня... в соло... — промычал он Евке, пытаясь проглотить кусок.

— А я зато могу делать «Прошло двадцать лет...» — просто и доверчиво сказала Евка.

Дима чуть не умер от смеха, а Акундин перестал жевать и внимательно посмотрел на нее.

— Ты сегодня в расстроенных чувствах, девочка? — спросил он. И в голосе его не было ни капли насмешки.

— Да нет, в сущности... — ответила ему Евка. И чтобы Акундин понял, что отвечает она только ему, а не Диме, она посмотрела прямо в его умные и настороженные глаза. — Просто сегодня в связи с погодой, наверное, у меня разболелось одиночество. Но это чепуха, старые раны всегда ноют в непогоду... — И тут же ей стало стыдно, что она вдруг это сказала, и она быстро перебила себя: — Ой, ребята, слушайте, у меня кот необычайно талантлив. Возьму на фоне «ля» — он в ля мажоре мяукает, возьму «соль» — он воет в соль мажоре... Гениальный кот!

— Да нет, просто кот с музыкальным слухом, — серьезно сказал Акундин и посоветовал: — Ты приведи его к нам в оркестр, здесь и похуже есть.

Они посмеялись, потом Дима долго рассказывал о каком-то знакомом, который привез на остров двести яиц, вывел из них куриц и перепродал.

— Какой-то современный Робинзон Крузо со спекулятивным уклоном, — заметила на это Евка.

Они болтали, как всегда небрежно, обо всем и ни о чем, в сущности... Акундин с удовольствием пересказывал консерваторские сплетни до тех пор, пока Александр Никифорович не встал за пульт и не постучал палочкой, возвещая конец перерыва.

После репетиции они вышли втроем на улицу и остановились у киоска — Дима покупал журнал «Смена». Акундин, запрокинув голову, посмотрел на небо, и его борода сразу стала похожа на бороду умирающего Бориса Годунова.

— Посмотрите, какая туча надвинулась на этот город! — сказал он, и с этого момента Евка поняла, что здорово его уважает. За то, что он очень взрослый и умный, за то, что, несмотря на его пошлое воспитание, он умеет быть порядочным с порядочными людьми, за то, что он сказал сейчас про тучу торжественно-эпическим тоном, как древний сказитель о славной дружине Олега.

Еще она подумала, что хорошо все-таки видеть по субботам Рюрика, Диму, Акундина, этих симпатичных ей людей. Все-таки хорошо...

Они договорились навестить завтра Рюрика и разошлись по своим делам. Евка пошла по магазинам отчасти потому, что ей нужно было кое-что купить, отчасти потому, что не хотелось идти домой.

Снег прекратился, но небо оставалось угрюмым и было похоже на старую шинель, тяжелую и плохо греющую, которой накрылся хворающий зимой город.

На троллейбусной остановке стояли всего двое — старуха в сером пуховом платке и высокий мужчина в коротком полушубке. Он нетерпеливо посматривал на часы и щурил раскосые темные глаза.

Евка остановилась и прислонилась к будке с газводой, чтобы можно было наблюдать за мужчиной. Она и не думала подходить к нему, ей было хорошо стоять так поодаль, чувствуя в груди теплые толчки сердца, и следить за милыми, дорогими движениями этого человека.

«Отпустил усы... — подумала она. — И ему очень идет. Молодит. Он стал похож на д'Артаньяна средних лет... А в пальто, ко-

нечно, свернутая в трубочку газета. Не подойду, он куда-то спешит...»

Но вдруг ей стало страшно, что вот сейчас подойдет троллейбус, и этот человек уедет куда-то по своим делам, и бог весть когда они еще встретятся так случайно...

«Только подойду и спрошу: скучает он по мне или нет... — подумала она. — Любопытно: скучает или нет...»

Она подошла к нему сзади, тронула за рукав полушубка и негромко сказала:

— Папа.

Он вздрогнул, обернулся и...

Он взял в ладони ее лицо и, взволнованно и радостно вглядываясь в него, быстро сказал:

— Евочка, детка моя родная!.. Откуда ты здесь, что ты тут делаешь?

Но Евке важно было задать ему сейчас тот вопрос.

— Ты шкучаешь по мне? — теплые отцовские ладони не выпускали ее мордочку, поэтому слова звучали смешно и шепеляво, как будто Евке было три года. — Шкучаешь по мне?

Отец засмеялся, сказал:

— Скучаю, конечно, детка моя. — Он отошел чуть-чуть назад. — Как ты вытянулась! Какая ты стала хорошенькая! Повер-

нись. Тебе мало это пальто. На днях купим новое...

Он говорил, быстро перебивая себя, смеясь и жадно дыша на озябшие Евкины руки.

— А я был у тебя три раза, но не застал.

— Я не живу дома, — улыбаясь и разглядывая его, сказала она. — Я живу уже полгода у маминой тети. Тетя Соня, помнишь? Я не могла больше жить одна в пустой квартире, это очень тяжело. Ты спешишь куда-то?

— Что ты! — сказал он. — Мы не виделись полгода... Я так рад, что встретил тебя!

— А я с репетиции. Помнишь, я тебе говорила, что играю в оркестре? Не помнишь... Если ты не слишком торопишься, сядем в том скверике на скамейку... Там хорошие скамейки...

— Да, да, конечно... — сказал отец.

Они сели. Отец достал пачку сигарет, закурил.

— Ты куришь? — улыбнувшись, заметила Евка. — Удивительно. Не поддаваться соблазну в юности и начать курить в сорок лет...

— Эта тетя Соня к тебе хорошо относится?

— Она по-своему ко мне привязана. А я нет. Ты же знаешь, я человек без привязанностей...

— Мама пишет? — осторожно спросил он, глядя в сторону. А Евка смотре-

ла прямо ему в лицо, улыбаясь и вглядываясь в морщинки у глаз. Вблизи отец не казался таким молодым... Она смотрела на свернутую трубочкой, торчащую из кармана газету, и ей было хорошо и спокойно, как в детстве, когда все они были вместе.

— Мама пишет, шлет деньги, зовет к себе, в общем, делает все, что в таких случаях полагается делать... Но я не поеду, я не нужна ей... — Евка вдруг вспомнила Акундина и спокойно сказала: — Мама в расстроенных чувствах, ты же знаешь... Она второй год в расстроенных чувствах... Она тебя любила больше, чем меня, наверное, поэтому уехала, когда ты... ушел...

— Маму не надо осуждать, Евочка, — так же осторожно сказал отец.

— Ни в коем случае... — подтвердила она. — Я не судья, папа. Да и бесполезно осуждать женщину, которая может два года жить вдали от своего ребенка. Это уже бесполезно... Я ни к кому не привязана, поэтому не имею права осуждать ни маму, ни тебя. — Она помолчала. — Я только давно хотела спросить тебя, папа... Я понимаю, что любовь к женщине может пройти... Но мне всегда казалось, что любовь к своему ребенку, во всяком случае, пока он жив, — чувство

непреходящее. Разве это не так? Ты можешь расценивать это как простое любопытство. Простое любопытство, потому что, видишь, мне уже не больно говорить об этом, я говорю спокойно, как говорят о давно умершем близком человеке. Единственно, что бывает больно по вечерам, — это то, что я совсем одна...

— Евочка... я... я замотался совсем... — забормотал отец. — С семьей, с квартирой... Я же предлагал тебе жить с нами, ты отказалась...

— Я не судья, папа, — мягко улыбаясь, повторила Евка. Она протянула руку к его лицу и провела мизинцем по левой полоске усов. — Кто-то изобрел прекрасную формулу — «Жизнь — сложная штука». Это замечательный щит для всех от всего на свете. «Жизнь — сложная штука» — и баста! Как объяснение и оправдание всех ошибок в мире. А я не судья, чтобы осуждать, и не Христос, чтобы прощать. Я, папа, просто равнодушный человек...

Отец оторвал наконец взгляд от снега и задумчиво и горько посмотрел на нее.

— Ты стала совсем взрослой.

Евка вздохнула и удивилась про себя своему спокойствию. «Ну же, — сказала она себе, — что же ты молчишь? Что же ты не ска-

жешь ему всего, что накопила ночами? Помнишь, ты мечтала о том, как встретишь его и бросишь в лицо: “Вы оба — предатели! Вы оба бросили меня. Ты — ради той женщины, мать — оттого, что кроме тебя ей никто не нужен. Даже дочь! Вы убили меня в четырнадцать лет! Я не живу. Я совсем одна на свете...”»

Но ничего этого ей не хотелось говорить. Ей было жалко человека, который, в сущности, был намного счастливей ее. Почему-то жалко...

И чтобы переменить тему и закончить этот тяжелый и никому не нужный разговор, она начала рассказывать об оркестре, о Диме, Акундине... Рассказывала она долго и остроумно, даже упомянула о тарелке, по которой можно щелкнуть пальцами и сказать: «Прошло двадцать лет»... Отец с нежностью смотрел на ее оживленное личико, раскосые глаза и постепенно разулыбался, разошелся...

— Ну, пошли, я посажу тебя на тралик, — сказала она отцу. — Ты, должно быть, здорово опоздал куда-то.

Они стояли на остановке обнявшись, и им обоим было хорошо.

— А ты знаешь, у тебя месяц назад братик родился, — сказал отец.

— Уповаю на Бога, что ты не назвал его Адамом. И, думаю, Бог мне поможет в этом деле, ведь будет оскорблено его родительское чувство.

Отец засмеялся.

— Я назвал его Сашей, — сказал он. — Позвони мне на днях. Мы пойдем покупать тебе пальто. Номер запомнишь? — Он назвал номер.

— Запомню, — сказала Евка, зная, что не позвонит.

Подошел троллейбус. Отец вскочил на заднюю площадку и появился в морозном окне. Отсюда морщинок не было видно, и отец опять казался молодым и энергичным. Он что-то нацарапал на морозном стекле. Евка прочитала: «Позвони». Обратное это читалось: «иновзоП». Она кивнула, улыбнулась...

Троллейбус плавно тронулся, и отец помахал ей рукой. Он был уверен, что Евка позвонит...

«иновзоП... — подумала Евка и засмеялась. — Уважаемый товарищ иновзоП!»

Домой она шла пешком, не спеша, останавливаясь и поддевая носком сапога падающие с крыш сосульки.

Бабка сейчас, наверное, сидела дома и смотрела по телевизору этот многосе-